

Археологические вести

— 27 —

Archaeological news

27
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

27
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвоцинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова, академик РАН В. Л. Янин

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. А. Пескова, доктор исторических наук Е. А. Рыбина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — Вып. 27 / [Гл. ред. Н. В. Хвоцинская]. — СПб., 2020. — 446 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск «Археологических вестей» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. В серии работ, входящих в раздел «Новые открытия и исследования», рассматриваются отдельные категории археологических древностей от каменного века до нового времени, также вводятся в научный оборот материалы палеолитического нахождения Ункей (Нукутский район, Иркутская область) и анализируются контакты населения самбийско-натагийской культуры со Средним Дунаем в гуннское и постгуннское время. В специальный раздел включены статьи по актуальным проблемам археологии эпохи бронзы и раннего железа Кавказа, а также работа по интерпретации камерных погребений в Пскове второй половины X в. Кроме того в журнале представлены работы по истории и организации науки. Среди авторов — ученые из различных городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Новосибирска, Владикавказа), Украины (Одессы) и Франции (Парижа).

The present issue of «Arkheologicheskie vesti» (Archaeological News) includes articles concerned with the most recent researches in the sphere of archaeology, history and culture. The series of works comprised in the section “New discoveries and researches” considers particular categories of archaeological antiquities dated from the Stone Age to the modern period; in particular, materials from the Palaeolithic site of Unkey (Nukut district, Irkutsk Oblast) are published and contacts between the population of the Sambia-Natangia culture and the Middle Danubian region during the Hun and post-Hun time are analysed. A special section includes papers on the current problems of archaeology of the Bronze Age and the Early Iron Age in the Caucasus, as well as a study on the interpretation of stone burials in Pskov of the second half of the 10th century. In addition, the yearbook presents works on the history and organization of the archaeological science. The authors are scholars from different research centres of Russia (Moscow, St. Petersburg, Irkutsk, Novosibirsk, Vladikavkaz), Ukraine (Odessa) and France (Paris).

Первая страница обложки — Пенджикент. Расписная керамика (к статье Ф. Ш. Аминова)
First page of cover — Panjakent. Painted pottery (article by F. Sh. Aminov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Древнейшие древнерусские нагрудные кресты-реликварии в свете новых исследований¹

А. А. Пескова²

Аннотация. Со времени публикации в 2003 г. свода древнерусских энколпионов — нагрудных крестов-реликвариев — появилось много новых находок и специальных исследований, направленных на прояснение спорных вопросов, касающихся становления и развития этой яркой традиции на Руси. Особое и вполне объяснимое внимание сегодня уделяется группе миниатюрных черневых энколпионов — ключевой группе при решении этих вопросов, поскольку в нее входят находки древнейших датированных древнерусских крестов-энколпионов. Изучение новых находок энколпионов данной группы помогает приблизиться к более глубокому пониманию истории зарождения этой традиции на Руси и дальнейшего ее развития. При этом наблюдается заметная противоречивость суждений исследователей в оценке новых находок энколпионов и разница в подходе к их группировке, что побуждает еще раз вернуться к их детальному рассмотрению.

Annotation. Since the publication in 2003 of a code of ancient Russian encolpions — chest crosses-relics, many new finds and new special studies have appeared to clarify controversial issues regarding the establishment and development of this vibrant tradition in Russia. Particular and understandable attention today is paid to the group of miniature encolpions with niello, a key group in addressing these issues, since it includes finds from the oldest dated ancient Russian crosses-encolpions. The study of new finds of the encolpions of this group helps to approach a deeper understanding of the history of the origin of this tradition in Russia and its further development. At the same time, there is a noticeable inconsistency in the opinions of researchers in assessing new finds of encolpions and a difference in the approach to their grouping, which prompts us to return to their consideration once again.

Ключевые слова: древнерусские нагрудные кресты-реликварии (энколпионы) с чернью, типология, стилистические и иконографические особенности.

Keywords: ancient Russian chest crosses-reliquaries (encolpions) with niello, typology, stylistic and iconographic features.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-175-193

Благодаря последним комплексным исследованиям крестов-реликвариев, собранных на поселениях Суздальского Ополя

(Макаров и др., 2017. С. 291–310), сегодня становится все более очевидно, что древнейшие серийные черневые миниатюрные энколпионы были далеко не столь однородны, как может показаться на первый взгляд, и появились далеко не сразу в окончательном виде. Проведенное ранее визуальное исследование двух очень близких вариантов (IV.5.5 и IV.6.1) одного иконографического типа древнейших энколпионов (Корзухина, Пескова, 2003.

¹ Работа выполнена в рамках ПФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

С. 236–237) теперь подтверждается не только благодаря значительному расширению базы источников (особенно для группы IV.5.5), но и очень важным выводом о том, что техника нанесения черни на них тоже была различной (Макаров и др., 2017. С. 300–304). К тому же новые находки энколпионов хорошей сохранности позволяют сегодня обратиться и к их стилистическому анализу. Но перед этим необходимо вспомнить о гипотетической «Большой мастерской» в древнем Киеве с ее характерным «почерком», в которой предположительно и создавались интересующие нас кресты.

«Большая мастерская» (далее «БМ») была выделена Г. Ф. Корзухиной, как известно, при изучении ею двух больших групп энколпионов — рельефно-черневых и черневых — самых разнообразных и ярких по оформлению среди древнерусских нагрудных крестов-реликвариев. Функционирование гипотетической мастерской, предположительно налаженное в древнем Киеве, было отнесено автором гипотезы ко второй — третьей четверти XII в. Предполагалось, что во второй четверти XII в. в ней изготавливались преимущественно энколпионы рельефно-черневой группы, а в середине XII в., в пору расцвета черневого дела на Руси, произошел переход к изготовлению черневых энколпионов (Корзухина, Пескова, 2003. С. 29–32). Подавляющее большинство крестов этих двух групп объединено единством стиля — своеобразной манерой гравировать лица — и, следовательно, «единством какого-то широко организованного производства», названного исследовательницей «для удобства изложения» «Большой мастерской» (Там же. С. 29). Более того, «стилистическое сходство крестов, вышедших из нее, настолько велико, что может быть связано с работой только одного или коллектива, или поколения» (Там же. С. 30). Известное тогда еще сравнительно небольшое количество мелких разнохарактерных крестов, не связанных единством стиля, отмеченных, по мнению Г. Ф. Корзухиной, резким падением мастерства, а значит, и не относящихся к «БМ», датировалось предположительно последней четвертью XII — первой четвертью

XIII в. Допускалось даже, что «с этого времени производство [черневых] энколпионов, до сих пор связанное преимущественно с Киевом, вышло за его пределы» (Там же. С. 34).

К настоящему времени благодаря появлению новых надежно датированных находок энколпионов рельефно-черневой и черневой групп в Великом Новгороде, Старой Руссе, Пскове и других местах, стало ясно, что изготовление миниатюрных черневых крестов-реликвариев (группы IV.5.5 и IV.6.1) было налажено на Руси уже не позднее середины XI в., а рельефно-черневых (III.1.1) — не позднее рубежа XI–XII вв. (Торопова и др., 2001. С. 18–19, рис. 2, 3; Мусин и др., 2002. С. 182–183, рис. 3, 2, 4; Корзухина, Пескова, 2003. С. 166, 170, табл. 55, 99–101, 236–240; Колпакова, 2011. С. 143–144, рис. 1). Произошел слом в представлениях об абсолютной и относительной хронологии в развитии древнерусских крестов-реликвариев. А предполагаемое время работы «БМ» в результате растянулось, по меньшей мере, на 75 лет. В то же время стала яснее осознаваться разница стилистического оформления отдельных групп энколпионов, относимых к кругу «БМ», особенно ощутимая среди малых и миниатюрных (мелких) черневых крестов-реликвариев, которым современные исследователи уделяют так много внимания.

В последние годы расширились и наши представления об «ассортименте продукции» «БМ». На основе стилистического анализа к кругу связанных с «БМ» изделий была отнесена створка черневой иконки-складня с изображениями на одной стороне князя Бориса в образе мученика с крестом в правой руке, на другой — святого целителя Козьмы, найденная во время полевых исследований в Чермно (Польша) в 2010–2011 гг. (Czerwień..., 2012. S. 254–255, рис. 3, tab. II.6.4; Пескова, 2017. С. 97–98, рис. 8). По технике и стилю исполнения она очень близка черневым энколпионам, хотя отличается от них в целом более свободным, почти небрежным, исполнением гравированного рисунка и некоторым своеобразием в деталях. Створка из Чермно является первой находкой, указывающей на существование на Руси иконки-складня

с черневыми изображениями свв. Бориса и Глеба, выполненной в традициях «БМ»³.

Предположение о том, что деятельность «БМ» не ограничивалась изготовлением крестов-реликвариев, высказывала и Г. Ф. Корзухина, вскользь упоминая древнерусские образки-привески с инкрустированными изображениями Спасителя на одной стороне и процветшего креста на другой (Корзухина, Пескова, 2003. С. 21). Действительно, такие образки выполнены в той же характерной схематичной манере, как и погрудные изображения святых в медальонах рельефно-черневых и черневых энколпионов, насколько можно судить по глубоким контурным линиям с инкрустацией, определяющим композицию в целом. Детализовка ликов тонкими гравированными линиями на полустертых привесках-образках, как правило, не прослеживается. В Северной Руси такие образки обнаружены в основном в погребениях, датированных XII в., — в могильниках Нефедьево IV в Вологодской области (3 экз.) и у д. Кнутиха в Ивановской области России (Макаров, 1991. С. 13, 18, рис. 1, 26–28; Уткин, 1991. С. 97, рис. 2, 3). В южнорусских землях один образок происходит из раскопок на поселении Кошчевка-8 в Киевской области (Украина), где датируется серединой XII — XIII в. (Лысенко и др., 2012. С. 42, 130, 326, рис. 208), на поселении Пастивник около летописной Пересопницы, XII — первая половина XIII в. (Прищепина, 2016. С. 82, рис. 50, 3), еще три экземпляра относятся к случайным находкам на поселении Мушкатовка в Тернопольской области и в с. Стайки в Среднем Поднепровье, Украина (Гаврилюк, Ягодинская 2005. С. 138, рис. 9, 8, 10; Ханенко Б., Ханенко В., 1900. Табл. XXVIII, 323). Конечно, такие привески-образки могли быть изготовлены не только в Киеве, но и в других центрах с развитым ремеслом, однако появление исходной модели скорее всего было связано с работой «БМ».

³ Аналогичная створка (43 × 22 мм) известна и среди случайных находок 2013 г. в Переславском районе Ярославской области России [Электронный ресурс]. URL: http://domongol.org/gallery/image_page.php?image_id=7646 (дата обращения 13.02.2016).

Современное пополнение базы источников, как видим, с одной стороны подтверждает старые гипотезы, с другой — ставит новые вопросы о времени и особенностях функционирования в древнем Киеве «БМ». Для их разрешения требуется детальное исследование новых памятников по мере их появления. Сегодня наиболее изученными и наиболее информативными благодаря комплексному подходу, включая и технологию изготовления, являются миниатюрные черневые кресты-энколпионы, происходящие в основном из раскопок в Великом Новгороде, а также полученные в результате полевых исследований крупных неукрепленных поселений XI–XIII вв. в центральных районах Суздальской земли — Суздальском Ополе (Олейников, 2019. С. 161–176; Асташова, Сарачева, 2015. С. 195–202; Макаров, Зайцева, 2017. С. 193–197; Макаров и др., 2017. С. 291–310). В Великом Новгороде в последнее десятилетие появилось восемь новых находок энколпионов интересующего нас типа (Дубровин, 2010. С. 44, рис. 60; Янин и др., 2013. С. 17, рис. 3, 1; Олейников, 2019. С. 161–176).

В Суздальском Ополе из 24 (25?) миниатюрных и малого размера черневых энколпионов, собранных на 15 памятниках, к интересующей нас группе энколпионов можно причислить 12 экземпляров (Макаров и др., 2017. С. 291–292, рис. 2; Коваленко и др., 2019. № 1). Названные кресты относятся к группе самых ранних на Руси крестов-реликвариев из известных сегодня (со второй половины XI в. и позже) и имеют прямое отношение к пониманию работы «БМ» и шире — к пониманию развития этой отрасли художественного ремесла в целом. Речь идет о миниатюрных прямоконечных энколпионах, на лицевой створке которых изображено Распятие (Христос препоясан, над его головой четырехконечный крест), на оборотной стороне — молящаяся Богоматерь (в позе оранты), над ее головой иногда видны крестообразно расположенные четыре точечных углубления (рис. 1, 1–2). Изображения схематичные, в большинстве случаев нанесены в манере, характерной для крестов, изготовленных в гипотетической

«БМ», что особенно ярко выражено в способе передачи тонко прочерченных резцом единообразных ликов святых: широкий нос передан двумя расходящимися книзу дугообразными линиями и одной короткой поперечной, под ней видна прямая линия рта, глаза обозначены двумя-тремя короткими параллельными черточками, иногда образующими овалы. Основные опорные линии рисунка, передающие овал лица, контуры одеяния фигуры, поперечной перекладины Крестного древа и четырехконечного креста над головой распятого Христа, нанесены углубленными линиями-канавками, предназначенными для заполнения их чернью. Опираясь на эту основу, мастер гравировщик создавал окончательный образ. При этом изображение Богоматери очень напоминает своими несоразмерно крупными, раскрытыми в молении ладонями схематичные изображения святых орантов (в том числе и Богоматери Оранты) на гравированных, так называемых «сирийских», крестах-реликвариях византийского круга, хотя и отличается от них вполне реалистичной передачей драпировок одеяния Богоматери, заранее заданного

основными глубокими линиями-канавками. Христос изображен препоясанным складчатой набедренной повязкой характерных очертаний (куполообразной). Со стилистикой изображения Богоматери на оборотной створке этот образ Христа сближают только утрированно схематичные черты лика.

Еще при подготовке свода древнерусских энколпионов 2003 г. среди миниатюрных черневых энколпионов с изображением Распятия и Богоматери Оранты были выделены три группы крестов данного иконографического типа, с учетом иконографических деталей и морфологических признаков (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 235–237*):

1) IV.6.1 — стандартные по форме (почти строго прямоконечные), размерам (в среднем 3,5 × 2,5 см) и иконографии; створки декорированы по краю косыми и прямыми насечками; петли простые; находки многочисленные (рис. 1, 1–2) (*Там же. С. 165–170. Табл. 99–101*);

2) IV.6.2 — стандартные по форме (почти строго прямоконечные), размерам (в среднем 3,5 × 2,5 см) и иконографии лицевой створки, но на оборотной створке вместо Богоматери

Рис. 1. Миниатюрные энколпионы с чернью с изображениями Распятия и Богоматери Оранты: 1 — Великий Новгород, Десятинный 3, 2008 (Дес-3/1-92) (*Олейников, 2019. С. 163, рис. 1*); 2 — Рюриково городище, 2007 (*Григорьева, 2015. С. 251, 253, рис. 2, 4*); 3 — Великий Новгород (Дес-1/3-139, 2008) (*Олейников, 2019. С. 164, рис. 2, 3*); 4 — Великий Новгород, Троицкий раскоп 2016 (Тр-16/1-347) (*Олейников, 2019. С. 164, рис. 2, 1*); 5 — Весь I, 1987, Суздальское Ополье (*Кокорина 2013. С. 18, кат. № 1*); 6 — Старая Русса, раскоп Борисоглебский, 2000 (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 163, табл. 97, IV.5.5/3*); 7 — Вильгина, о. Сааремаа, Эстония (*Jonuks, Kurisoo, 2013. S. 73, fig. 1, 3*); 8 — Сорогужино, Суздальское Ополье, 2016, № 27 (*Макаров и др., 2017. С. 295, рис. 2, 11*); 9 — Великий Новгород, 2017 (Ман 9А/7) (*Олейников 2019. С. 170–171, рис. 5, 2*). 1–2 — стандартные кресты-энколпионы с чернью группы IV.6.1; 3 — стандартный крест-энколпион с чернью группы IV.6.2; 4–8 — нестандартные кресты-энколпионы с чернью группы IV.5.5; 9 — двусторонний низкорельефный крест, изготовленный по образцу крестов-энколпионов группы IV.6.1

Fig. 1. Miniature niello encolpia with representations of a crucifix and Mother of God Orans: 1 — Veliky Novgorod, Desyatynny 3, 2008 (Дес-3/1-92) (*Олейников, 2019. С. 163, рис. 1*); 2 — Rurik Gorodishche, 2007 (*Григорьева, 2015. С. 251, 253, рис. 2, 4*); 3 — Veliky Novgorod (Дес-1/3-139, 2008) (*Олейников, 2019. С. 164, рис. 2, 3*); 4 — Veliky Novgorod, Troitsky Excavation 2016 (Тр-16/1-347) (*Олейников, 2019. С. 164, рис. 2, 1*); 5 — Ves' I, 1987, Suzdal'skoye Opolye (*Кокорина 2013. С. 18, кат. № 1*); 6 — Staraya Russa, Borisoglebsky Excavation, 2000 (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 163, табл. 97, IV.5.5/3*); 7 — Viltina, Saaremaa island, Estonia (*Jonuks, Kurisoo, 2013. S. 73, fig. 1, 3*); 8 — Soroguzhino, Suzdal'skoye Opolye, 2016, № 27 (*Макаров и др., 2017. С. 295, рис. 2, 11*); 9 — Veliky Novgorod, 2017 (Ман 9А/7) (*Олейников 2019. С. 170–171, рис. 5, 2*). 1–2 — standard niello crosses-encolpia of group IV.6.1; 3 — standard niello cross-encolpion of group IV.6.2; 4–8 — non-standard niello crosses-encolpia of group IV.5.5; 9 — two-sided low-relief cross manufactured after the example of encolpia of group IV.6.1

изображен крест (то есть *комбинированные*); створки декорированы по краю косыми и прямыми насечками; петли простые; находки единичные (рис. 1, 3) (*Там же*. С. 171. Табл. 99–101);

3) IV.5.5 — *нестандартные* («*опытные (?) серии*»), с заметно расширяющимися концами, различающиеся размерами (от 3,6 × 2,6 см до 4,6 × 3,2 см), но имеющие общую новую иконографическую деталь — крест над головой Христа изображен в виде трилистника с закругленными лепестками; створки декорированы по краю преимущественно прямыми насечками; петли имеют небольшое ступенчатое основание, иногда в виде трилистника с острыми концами; находки редкие (рис. 1, 4–8) (*Там же*. С. 163, 236–237. Табл. 97).

Тогда же было выдвинуто предположение о существовании в Древней Руси во второй половине XI в. широко налаженного серийного производства по меньшей мере одного типа стандартных энколпионов (IV.6.1) и параллельного изготовления малых опытных (?) серий энколпионов типа IV.5.5 (учтено было всего 3 экз.). В группе стандартных энколпионов (IV.6.1) были выделены единичные экземпляры, отмеченные чертами индивидуального творчества, которые сегодня в свете появившихся находок могут быть оценены по-новому, а именно тоже отнесены к группе IV.5.5. Были отмечены различия между двумя группами в морфологии и иконографических деталях, в меньшей мере — в стилистике (*Там же*. С. 236). Новые находки с сохранившейся гравировкой позволяют сравнить их и стилистически.

Находок стандартных энколпионов (IV.6.1) на 2003 г. было зафиксировано 57 экз., сейчас их известно больше, в том числе восемь новых находок из Суздальского Ополя (*Макаров и др.*, 2017. С. 293, рис. 2, 1–6; *Коваленко и др.*, 2019. № 1). «Общий период бытования энколпионов типа IV.6.1 на суздальских селищах, — по наблюдению их исследователей, — может быть ограничен XI–XII вв., включая вторую половину этого столетия» (*Макаров, Зайцева*, 2017. С. 195). Не менее четырех новых энколпионов этого типа

появилось в Великом Новгороде, в том числе два целых — раскоп Десятинный 3/1-92, 2008 г., в слое середины XI в. (*Олейников*, 2019. С. 163, рис. 1, 1) и Троицкий 13, уч. Г и Г-1/пл. 7, кв. 1850, 2012 г., в пределах конца XI — начала XIII в. (*Янин и др.*, 2013. С. 12–19, рис. 3, 1). Две поврежденные лицевые створки с изображением Распятия происходят из траншеи на Десятинной улице (случайная находка 2010 г.) и из слоя конца XII — начала XIII в. в Андреевском 3 раскопе (Андр-3/3-41) (*Олейников*, 2019. С. 164–165, рис. 2, 4, 5) (табл. 1). Не исключено, что парными для них были створки с изображением креста, то есть они могут быть отнесены и к группе комбинированных энколпионов (IV.6.2).

Достоверно комбинированных энколпионов (IV.6.2) в каталоге было учтено всего 6 экз., среди них тогда не было ни одного с археологической датой. Теперь к ним добавляются крест с поселения Вишенки 3, 2006 г. (XII — первая половина XIII в.), найденный на распаханной поверхности (*Макаров, Федорина*, 2008. С. 140, рис. 1, 4), и крест из Великого Новгорода (Дес-1/3-139, 2008 г.), происходящий из перемешанных слоев середины XII — начала XIII в. (*Олейников*, 2019. С. 164, рис. 2, 3).

Нестандартных энколпионов (IV.5.5) на 2003 г. было зафиксировано только 3 экз., в последние годы московские исследователи добавили к ним еще три креста, происходящих из Суздальского Ополя. Эти три креста (Поганое озеро 1, 2006 г.; Суворотское 8, 2013 г.; Тарбаево), а также известный ранее экземпляр с поселения Весь I исследователи называют практически идентичными (*Макаров и др.*, 2017. С. 295, рис. 2, 8–10). Ни одна из этих находок не имеет узкой даты, но анализ археологического контекста позволяет исследователям предполагать весьма вероятную связь их с культурными отложениями XI — первой половины XII в. (*Там же*. С. 196).

Еще два экземпляра таких же очертаний, но крупнее других, из Сорогужино 2, 2016 г. (спетлями 59 × 31 мм), и Суворотского 8, 2014 г. (фрагмент), исследователи не включили в эту группу (*Макаров и др.*, 2017. С. 293, 296, рис. 2, 11, 12). Однако размер створок в данном

Таблица 1. Новые находки энколпионов группы IV.6.1
Table 1. New finds of pectoral reliquary crosses of group IV.6.1

№	Происхождение находки	Датировка по археологическому контексту	Источник сведений
1	Псков, 1989, раскоп на ул. Ленина*	2-я половина XI в.	Колпакова, 2011. С. 143–144, рис. 1, 1
2	Великий Новгород, Троицкий 13, 2012 (Тр-13/уч. Г и Г-1/пл. 7, кв. 1850)	конец XII — начало XIII в.	Янин и др., 2013. С. 12–19, рис. 3, 1
3	Великий Новгород, ул. Десятинная, 2010 (Дес, траншея), в отвале	—	Олейников, 2019. С. 164, рис. 2, 4
4	Великий Новгород, Андреевский 3 (Андр-3/3-41)	конец XII — начало XIII в.	Олейников, 2019. С. 165, рис. 2, 5
5	Великий Новгород, Десятинный 3, 2008 (Дес-3/1-92)	середина XI в.	Олейников, 2019. С. 163, рис. 1
6	Великий Новгород, Рюриково городище, 2008, случайная находка	конец XI — 1-я пол. XIII в.	Григорьева, 2015. С. 251, 253, рис. 2, 3
7	Великий Новгород, Рюриково городище, 2007, из осыпи стенки раскопа	конец XI — 1-я пол. XIII в.	Григорьева, 2015. С. 251, 253, рис. 2, 4
8	Полоцк, случайная находка	—	Археалагічныя знаходкі..., 2010. С. 44, кат. № 63
9	Суздальское Ополье, Вишенки 3, 2004, № 53	XI–XII вв.	Макаров и др., 2017. С. 293, рис. 2, 1
10	Суздальское Ополье, Мордыш 1, 2012, № 13	середина — 2-я пол. XII в.	Макаров и др., 2017. С. 293, рис. 2, 3
11	Суздальское Ополье, Суворотское 8, 2015, № 10	XI в. (?)	Макаров и др., 2017. С. 293, рис. 2, 6
12	Суздальское Ополье, Суворотское 8, 2014, № 7	XI в. (?)	Макаров и др., 2017. С. 293, рис. 2, 4
13	Суздальское Ополье, Суворотское 8, 2014, № 17	XI в. (?)	Макаров и др., 2017. С. 293, рис. 2, 4 (?)
14	Суздальское Ополье, Карельская Слободка 5, 2011, № 12	XI–XII вв.	Макаров и др., 2017. С. 293, рис. 2, 2
15	Суздальское Ополье, Федосьино 1, 2018	XI–XII вв.	Коваленко и др., 2019. Кат. № 1
16	Клещинский комплекс на Плещеевом озере, 2016	XI–XII вв.	Макаров и др., 2017. С. 295, прим. 7
17	Истье 2, селище в Рязанской области	XII — 1-я пол. XIV в.	Остапенко, 2015. С. 333, № 400, рис. 39, 9
18	Лесковое 2, поселение в Черниговском Полесье, Украина	2-я пол. XII — 1-я пол. XIII в.	Веремейчик, 2010. С. 345, рис. 3, 1

* Несмотря на то что энколпион из Пскова ранее был учтен (Корзухина, Пескова, 2003. С. 169, кат. IV.6.1/ 37), мы включили его в данную таблицу, так как, благодаря новым исследованиям Ю. В. Колпаковой, он получил уточненную датировку.

случае — для группы нестандартных крестов-реликвариев — не имеет, на наш взгляд, решающего значения, здесь важнее форма створок с заметно расширяющимися концами и с петлями на ступенчатом основании, а также характер и способ нанесения изображений. Культурный слой на поселении Суворотское 8 относится к концу X — XII в., Сорогужино 2 — к XII — первой половине XIII в. (*Макаров и др.*, 2017. С. 293). Близкой им по размерам и морфологии является створка с изображением Богоматери Оранты из могильника Вильтина на о. Сааремаа, Эстония (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 169, табл. 100, IV.5.5/40; *Jonuks, Kurisoo*, 2013. P. 73, fig. 1, 3).

В группу нестандартных энколпионов сегодня можно добавить очень близкую к ним по исполнению створку с изображением Богоматери с поселения Крева 1 (Пекуновское селище) в Верхнем Поволжье⁴ (*Даченков, Петров*, 2011. Цв. вклейка) и целый энколпион из с. Витичев Ржищевского уезда Киевской губернии (случайная находка 1908 г.) (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 166⁵; *Асташова и др.*, 2013. Кат. № 192). На последнем заметны следы надписи под левой рукой Богоматери, а расплывчатые концы креста над головой Христа имеют скругленные очертания и укороченный нижний конец, что наводит на мысль о возможном переосмыслении такого или подобного изображения мастерами, изготовившими остальные кресты этой группы с трилистником над головой Христа. Еще более укороченный нижний конец креста, делающий его похожим на трилистник над головой Спасителя, мы видим на кресте этой же группы, происходящем из Каневского уезда Киевской губернии (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 164, табл. 97, IV.5.5/2). Находки из Киевской земли (витичевская и каневская) не

имеют археологической даты, но они (особенно каневская), по-видимому, немного ближе к исходному варианту, чем датированные северорусские. На это указывает и необычный трилистник над головой Христа, и редуцированная форма основания петель на лицевых створках северорусских и витичевского энколпионов, на которых вместо остролистного трилистника, характерного для петель крестов-реликвариев византийского круга, видим нечто вроде ступенчатого основания.

В Великом Новгороде при раскопках в недавнее время тоже были обнаружены нестандартные кресты-реликварии группы IV.5.5 — целые экземпляры на Никитинском раскопе при зачистке материковой ямы с материалами начала XIII в. и на Троицком раскопе 2016 г. (Тр-16/1-347) в слое первой половины XII в., а также в Конюшенном-1 (Кон-1/5-46) фрагмент лицевой створки в слое XII в. (*Дубровин*, 2010. С. 44, рис. 60, 6; *Олейников*, 2016. С. 83–85, рис. 4, 8; *Олейников*, 2019. С. 164, рис. 2, 1, 2). На энколпионе с Троицкого раскопа есть важная деталь, показывающая, каким образом четырехконечный крест над головой распятого Христа на нестандартных энколпионах мог превратиться в трилистник. В данном случае крест, залитый чернью, изображен с четырьмя концами, при этом каждый из них мастер заключил в нанесенное гравировкой полукружие, создавая своеобразный квадрифолий. На тех энколпионах, где черневый крест в возглавии получился у мастера с укороченным нижним концом, квадрифолий превратился в трилистник.

Наконец, в эту же группу нестандартных крестов-реликвариев можно перенести при внимательном рассмотрении еще два энколпиона, причисленных ранее к группе стандартных. Один из них — целый энколпион из курганного могильника конца XI — первой трети XII в. у д. Курганье Жлобинского района Гомельской области (Беларусь), который соответствует группе IV.5.5 формой расширяющихся к концам створок и характером редуцированных петель, форма креста над головой Спасителя не читается (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 168, IV.6.1/32). Другой — это

⁴ Древнерусский археологический комплекс памятников Крева 1 датируется XI–XII вв. Створка энколпиона находится в частной коллекции жителя г. Дубна Московской области. Благодарю Ф. Н. Петрова за предоставленную фотографию.

⁵ В каталоге 2003 г. этот энколпион был ошибочно включен в группу IV.6.1 (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 166).

выше упомянутая створка из могильника с кремациями в каменных могилах уд. Вильгина на о. Сааремаа, Эстония (музейный номер — АМ 1036: 156)⁶ (*Jonuks, Kurisoo*, 2013. P. 73, fig. 1, 3) (рис. 1, 8). Могильник датирован XI–XII вв., хотя в нем отмечаются и захоронения XIII в. (*Mägi*, 2002. Lk. 62). Створка происходит не из закрытого комплекса, тем не менее это, по-видимому, не случайная находка, так как авторы публикации сообщают, что здесь же (очевидно, на территории этого могильника (?)) были найдены еще три креста, какие именно, не сказано, но на рис. 1 рядом со створкой из могильника Вильгина помещены изображения восьми крестов, в том числе один так называемого «скандинавского» типа, все без указания места обнаружения⁷. Гравированные изображения на створке стерлись, но сохранившиеся глубокие линии, предназначенные для чернения, немного отличаются от глубоких контуров фигуры Богоматери, сохранившихся на стандартных крестах. Над головой Богоматери ясно виден равноконечный крест, прочерченный тонкими линиями, оканчивающимися точечными углублениями (обычно от такого креста сохраняются только четыре углубления). Парные петли имеют слабо выраженное основание в виде узкой пластины, представляющей с ними одно целое. Говоря о створке энколпиона, найденной на о. Сааремаа, нельзя не вспомнить о находках древнерусских энколпионов типа IV.6.1 на Готланде и на территории Финляндии в Хаттула Кеволла (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 166, 170, табл. 100), которые попали в эти районы, ско-

рее всего, в результате контактов местного населения с Новгородом, где, как видим, такие энколпионы представлены значительными сериями находок. Всего, таким образом, в группе нестандартных крестов-реликвариев (типа IV.5.5) сегодня можно включить 16 энколпионов, три из них происходят из Поднепровья, остальные — с северных территорий (табл. 2).

В качестве аналогий суздальским энколпионам группы IV.5.5 исследователи неожиданно приводят экземпляры из Введенского под Ярославлем, Пскова, Рюрикова городища (*Макаров, Зайцева*, 2017. С. 196; *Макаров и др.*, 2017. С. 296), относящиеся, на наш взгляд, безусловно к стандартным энколпионам типа IV.6.1 — та же стандартная форма, те же простые петли, та же иконография.

Приведенные выше новые публикации крестов-реликвариев рассматриваемого иконографического типа (группы IV.5.5, IV.6.1) в ряде случаев позволяют детальнее проанализировать их иконографические и стилистические особенности. Внимательное рассмотрение изображений на створках с сохранившейся гравировкой показывает, что большая часть стандартных энколпионов (IV.6.1) по стилистическим признакам относится к изделиям «БМ», хотя не все, есть и подражательные (например, один из крестов с Рюрикова городища — рис. 1, 2). На нестандартных энколпионах (IV.5.5) эти признаки почти не прослеживаются из-за плохой сохранности гравировки, за исключением крестов из Старой Руссы, с поселения Весь I, Поганое озеро I, 2006 г., и поселения Крева 1, на которых лики Христа и Богоматери выполнены в манере, лишь приближающейся к стилю работы «БМ», но между собой кресты из Суздальского Ополя настолько близки, что они вполне могли быть выполнены рукой одного мастера. В то же время те и другие существенно отличаются стилистически от собственно византийских крестов с чернью, будь то нагрудные кресты-реликварии или большие процессионные кресты, выполненные из золота, серебра или медных сплавов. Чтобы увидеть эту разницу, достаточно сравнить наши кресты с миниатюрным золотым нагрудным

⁶ Створка с о. Сааремаа ранее была мною включена в группу IV.6.1/40 и отмечена как выполненная в индивидуальной манере (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 169, 236, табл. 100). Высказанное там же предположение об отождествлении этой створки с энколпионом из коллекции ГИМ не подтвердилось.

⁷ В контексте настоящей статьи нельзя не сказать также о находке круглого образка-привески с инкрустированным изображением Спасителя на лицевой стороне (оборотная сторона не показана), выполненной в стиле «БМ», приводящейся в статье эстонских коллег с указанием на обнаружение ее в каменном могильнике Кобрат (*Jonuks, Kurisoo*, 2013. P. 77, fig. 4, 3).

Таблица 2. Находки энколпионов группы IV.5.5
Table 2. Finds of encolpions of group IV.5.5

№	Происхождение находки	Размеры, см	Датировка по археологическому контексту	Источник сведений
1	Великий Новгород, Троицкий раскоп, 2016 (Тр-16/1-347)	3,6 × 2,65 × 0,3	1-я пол. XII в.	Олейников, 2019. С. 164, рис. 2, 1
2	Великий Новгород, Конюшенный 1 раскоп 2011 (Кон1/5-46)	~3,5 × 2,6 (фр.)	XII в.	Олейников, 2019. С. 164, рис. 2, 2
3	Великий Новгород, Никитинский раскоп, из засыпки ямы	3,0 × 2,2 (по фото)	начало XIII в.	Дубровин, 2010. С. 44, рис. 60, 6
4	Старая Русса, раскоп Борисоглебский, 2000	3,4 × 2,7	2-я пол. XI в.	Торопова и др., 2001. С. 18–19, рис. 2, 3; Корзухина, Пескова, 2003. С. 163, табл. 97, IV.5.5/3*
5	Суздальское Ополье, Весь I, 1987	(3,3–3,4) × (2,6–2,7) 4,6 × 2,6 × 0,6	XI — 1-я пол. XII в.	Макаров и др. 2017. С. 295, рис. 2, 8; Кокорина, 2013. С. 18, кат. № 1
6	Суздальское Ополье, Поганое озеро 1, 2006, № 269	(3,3–3,4) × (2,6–2,7)	XI — 1-я пол. XII в.	Макаров и др., 2017. С. 295, рис. 2, 9
7	Суздальское Ополье, Суворотское 8, 2013, № 15	(3,3–3,4) × (2,6–2,7)	XI — 1-я пол. XII в.	Макаров и др., 2017. С. 295, рис. 2, 10
8	Суздальское Ополье, Суворотское 8, 2014, № 145	3,1 (высота фр.)	XI — 1-я пол. XII в.	Макаров и др., 2017. С. 296, рис. 2, 12
9	Суздальское Ополье, Тарбаево, 2009	2,4 × 2,0 × 0,3 (фр.)	XI — 1-я пол. XII в.	Макаров и др., 2017. С. 295, рис. 2; Родина, 2012. С. 89; Кокорина, 2013. С. 20, кат. № 4
10	Суздальское Ополье, Сорогужино, 2016, № 27	5,9 (с петлями) × 3,1	XI — 1-я пол. XII в.	Макаров и др., 2017. С. 295, рис. 2, 11
11	Крева I (Пекуновское селище), случайная находка в обрыве берега	—	—	Даченков, Петров, 2011. Цв. вклейка без пагинации
12	Курганье, Жлобинский район Гомельской области, Беларусь, курган	3,7 × 2,8 (по фото)	конец XI — 1-я треть XII в.	Богомольников, 1974. С. 369–370, фото на с. 369; Археологія і нумізматыка..., 1993. С. 358
13	Витичев, быв. Ржищевский уезд Киевской губернии, 1908	3,3 × 2,5 × 0,2	—	Асташова и др., 2011. Кат № 192
14	Каневский уезд Киевской губернии, 1917	4,2 × 3,1 × 0,4	—	Корзухина, Пескова, 2003. С. 164, табл. 97, IV.5.5/2
15	Вильятина, о. Сааремаа, Эстония (на территории могильника)	4,3 × 3,0 4,5 × 3,2 (по фото)	—	Корзухина, Пескова, 2003. С. 169, табл. 100, IV.5.5/40; Jõnüks, Kurisoo, 2013. Lk. 73. P. 1: 3
16	Экимань, Полоцкий район, Беларусь (один из посадов древнего Полоцка, случайная находка)	4,1 × 3,2 (по фото)	Материал из шурфов на посаде датируется XI–XIII вв.	Полоцк, 2012. С. 131–132, рис. 19, 3

* В каталоге 2003 г. размеры этого энколпиона были указаны неправильно.

крестом-реликварием, происходящим из раскопок первой болгарской столицы Плиски, обнаруженном в комплексе с керамикой второй половины IX — X в., но изготовленным, по мнению его исследователей, в одной из высококлассных мастерских Константинополя (Дончева-Петкова, 2011. С. 108–117, кат. № 214, таб. L–LIII) (рис. 2). Л. Дончева-Петкова предполагает, что крест был специально изготовлен и подарен какому-то высокопоставленному светскому или духовному лицу по случаю принятия Болгарией христианства в 864 г. (Там же. С. 117). Схематичные лики святых на четырех створках этого сложного креста переданы столь же условно, как и на древнерусских, но другим способом: глаза — круглыми углублениями, заполненными чернью, нос — одной прямой линией, вверху от линии носа отходят надбровные дуги; фигуры в целом пропорциональные, даже слегка вытянутые. В наложении черни используются два приема — узкие полосы по контуру фигур в сочетании с более широкими полосами одеяний святых, покрытыми чернью. На древнерусских крестах просматриваются оба способа, но, как правило, не в сочетании, а по отдельности, а лики, как правило, полностью гравированные, исполнены без применения черни, за исключением общего контура головы, прядей волос и бороды Христа.

Древнерусские нестандартные кресты заметно отличаются от стандартных способом нанесения черни. Если на стандартных крестах мы видим чернь только в предназначенных для нее канавках (по типу инкрустации), то на нестандартных чернью заполнены не только канавки, но ею покрыты и небольшие плоские участки створки. Так, на стандартных крестах борода Христа лишь оконтурена снизу черневой полосой, а на нестандартных она бывает полностью залита чернью. На стандартных крестах пересекающиеся складки мафория на груди Богоматери лишь намечены черневыми линиями, на нестандартных эти линии вообще не читаются, так как полностью залиты чернью. Специальное изучение техники чернения энколпионов из Суздальского Ополья, предпринятое московскими

исследователями, показало, что на крестах-реликвариях группы IV.6.1 (стандартных) предназначенные для чернения углубления заполнялись разогретыми полосами металла, а при чернении крестов-реликвариев группы IV.5.5 (нестандартных) «использовалась расплавленная вязкая масса, которой покрывали участки, предназначенные для чернения, а потом зашлифовывали их», поэтому чернь не выступает над плоскостью створки; в отдельных случаях было прослежено использование обеих техник нанесения черни (Макаров и др., 2017. С. 302–303).

На всех стандартных энколпионах, насколько можно судить невооруженным глазом, рисунок углубленных линий-канавок, предназначенных для чернения, одинаков, чего нельзя сказать с уверенностью о нестандартных энколпионах, так как на их створках границы этих линий оказываются частично скрытыми под слоем черни. Тем не менее и здесь можно предполагать если не буквальное повторение основного рисунка, то, по меньшей мере, стремление мастера повторить его. Очевидно, створки отливались вместе с углублениями под чернь, служившими мастеру опорой при дальнейшем создании гравированного изображения. Подтверждением тому служит специально проведенное исследование энколпиона с поселения Вишенки 3, чернь на котором не сохранилась, и оно показало, что «канавки под чернь были получены при литье (рисунки были сделаны на модели)» (Макаров и др., 2017. С. 302, рис. 2, 1; 4, 2). Иначе описывают технологию изготовления таких крестов исследователи энколпионов из собрания ГИМ: «Их створки отливали с гладкой поверхностью и сравнительно глубокой емкостью. На металлических створках выбирали металл по контурам довольно схематичных изображений, которые потом заполняли чернью. Кроме того, гравировкой исполняли надписи и линии декора» (Асташова, Сарачева, 2015. С. 200, рис. 3, 1–4). На наш взгляд, высокая степень стандартизации не только формы и размеров створок, но и самих изображений на створках этой группы энколпионов свидетельствует

Рис. 2. Золотой миниатюрный крест-реликварий из Плиски: 1 — внешний крест; 2 — внутренний крест (Pitarakis, 2006. P. 61, fig. 38)

Fig. 2. Gold miniature reliquary cross from Pliska: 1 — external cross; 2 — inner cross (Pitarakis, 2006. P. 61, fig. 38)

о том, что основу рисунков — углубленные канавки — все-таки получали в основном при литье створок.

Надписи на рассматриваемых крестах встречаются чрезвычайно редко и только на створках с изображением Богоматери — МР ΘΥ. На трех стандартных энколпионах (Новгород: Дес-3/1-92 и Троицкий X, пл. XI, кв. 1205; Лесковое 2) надпись располагается над головой Богоматери, на створке нестандартного энколпиона из Витичева следы надписи заметны под левой рукой Богоматери (Олейников, 2019. Рис. 1; Корзухина, Пескова, 2003. С. 166, табл. 100; Веремейчик, 2010. С. 345, рис. 3, 2; Асташова и др., 2013. С. 241, № 192). Обе манеры надписывания традиционны для гравированных крестов византийского круга. Новгородские кресты относятся к древнейшим памятникам, обнаруженным в слоях второй половины XI в., створка из Лескового в Черниговском Полесье происходит из заполнения постройки второй половины XII — первой половины XIII в. Судить о степени распространенности в течение этого времени традиции надписывания створок рассматриваемой группы энколпионов было бы неосторожно из-за стертости гравированных изображений, а значит, и возможных надписей на большинстве известных экземпляров. Тем не менее не приходится сомневаться, что налаживание изготовления крестов-реликвариев на Руси в XI в. происходило под руководством и при непосредственном участии византийских мастеров, создававших первые древнерусские модели крестов. В первую очередь они, скорее всего, ориентировались на столичные константинопольские образцы крестов с чернью, выполненные из серебра, золота (типа креста из Плиски), реже из медных сплавов. С другой стороны, отдельные признаки на древнерусских крестах, такие как схематизм и диспропорции в изображении фигуры Богоматери (особенно крупные ладони), свойственные так называемым «сирийским» крестам-реликвариям, выдают в их создателях людей, хорошо владевших мастерством изготовления массовой продукции — крестов, отлитых из медных сплавов со

схематичными врезанными изображениями святых, широко распространенных на территории Византийской империи. Понятно, что при таком «синтетическом» подходе к созданию новых моделей прямых прототипов произведениям (древнерусским энколпионам), полученным в результате их творчества, мы не найдем ни среди редких драгоценных крестов, украшенных чернью, ни среди многочисленных гравированных крестов, отлитых из медных сплавов. Самобытность этих моделей сегодня почти ни у кого не вызывает сомнений. Тем более удивительным выглядит вывод Н. И. Асташовой и Т. Г. Сарачевой о том, что «кресты с чернью относятся скорее к переходному типу от византийских к древнерусским», при том что авторы признают миниатюрные энколпионы «одним из типов местной школы мелкой пластики» (Асташова, Сарачева, 2015. С. 200–201). Возможно, исследователи подразумевали под собственно древнерусскими группу рельефно-черневых крестов, самые ранние из которых сегодня датируются рубежом XI–XII вв. Однако черневые кресты-энколпионы на Руси имеют свою непрерывную линию развития, начинающуюся с создания собственных моделей миниатюрных черневых крестов-энколпионов и идущую параллельно с развитием других групп древнерусских крестов (рельефно-черневых, рельефных и пр.).

Завершая размышления о двух группах миниатюрных черневых энколпионов (IV.5.5 и IV.6.1), нельзя не упомянуть о нательных двусторонних крестах, изготовленных по образцу стандартных крестов-реликвариев, имеющих те же размеры (или чуть меньше) и форму с почти прямоугольными концами и очень близкую иконографию. При этом изображения Распятия и Богоматери Оранты на них выполнены не гравировкой, а в очень низком рельефе, над головами Христа и Богоматери видны неясные буквы, отлитые, по видимому, вместе со створками (рис. 1, 9). Находки их единичны и связаны с городскими и сельскими поселениями, такими как Новогрудок, Беларусь (двусторонний: Распятие — буквы ХС; в заполнении постройки

первой (?) половины XII в.), Владимир-Волынский, Украина (двусторонний: Распятие — Богоматерь Оранта; в земле, близ церкви св. Василия), Новгород-Северский, Украина (серебряный (?), опубликована только одна сторона с изображением Богоматери; в заполнении жилища XI–XII вв. на посаде древнего города), поселение Магерки I в округе г. Нежин, Украина (двусторонний: Распятие⁸ — Богоматерь Оранта; поселение датируется XI в.)⁹, а также случайная находка двустороннего креста (Распятие — Богоматерь Оранта) у с. Лепляво Каневского района Черкасской области, Украина¹⁰ (Гуревич, 1981. С. 47, рис. 35, 2; Леопардов, Чернев, 1891. С. 6, табл. I–1, IV–1; Ханенко Б., Ханенко В., 1899. Табл. I, 25; Кедун, 2010. С. 104, рис. 1; Кедун, Пархоменко, 2017. С. 159–160, рис. 2, 4). В Великом Новгороде (Ман 9А/7, вторая половина XII в.) впервые был обнаружен аналогичный крест, но состоящий из двух тонких пластин (створок?), которые были наглухо соединены штифтами и снабжены неподвижным ушком; на лицевой стороне сохранилось четкое низкорельефное изображение Распятия, на другой стороне — стертое от долгого ношения изображение Богоматери в типе оранта (Олейников, 2019. С. 170–171, рис. 5, 2) (рис. 1, 9) (табл. 3). О. М. Олейников полагает, что такой крест мог быть изготовлен по индивидуальному заказу, с чем нельзя не согласиться, но оставляет открытым вопрос о месте его изготовления (Там же. С. 171). Новгородский экземпляр позволяет предположить, что, в подражание

миниатюрным черневым крестам-реликвариям, мастером не столь высокого уровня могла быть создана модель креста-реликвария с низкорельефными изображениями Распятия и Богоматери Оранты, послужившая, в свою очередь, образцом для отливки нательных крестов этого типа. Археологический контекст находки с поселения Магерки I показывает, что такие единичные кресты начали изготавливать уже в XI в., то есть параллельно с освоением массового изготовления черневых энколпионов, и, судя по географии находок, скорее в Киевской земле, но, конечно, не в «Большой мастерской». Несмотря на простоту воспроизведения таких крестов (путем оттискивания образца в глине), широкого распространения они не получили, возможно, именно потому, что вышли не из крупной мастерской.

В Новгороде этого времени известны и другие примеры изготовления нательных крестов с Распятием, созданных наподобие миниатюрных крестов-реликвариев, но иного типа — по образцу древнеболгарских рельефных миниатюрных крестов-реликвариев, и не прямым их копированием, а на основе самостоятельно разработанных моделей. Это так называемые «кресты с грубым изображением Распятия» (Пескова, 2006. С. 124–131, рис. 5; 2009. С. 47–48; Peskova, 2014. P. 113–131). Они были широко известны с конца X по XII в. на обширной территории, но преимущественно в севернорусских землях (Peskova, 2014. Fig. 2). В средневековой Болгарии в X — начале XI в. отливалось очень много разнообразных нательных крестов, в том числе выполненных путем копирования миниатюрных рельефных крестов-реликвариев. Как правило, они были односторонними либо с изображением распятого Христа (чаще в колобии, нежели препоясанного), либо с изображением Богоматери в типе оранты, но известны и двусторонние кресты (Дончева-Петкова, 2011. С. 215–224, кат. № 978–1129). Древнерусские нательные низкорельефные кресты, выполненные в подражание древнерусским черневым стандартным крестам-реликвариям, можно было бы рассматривать как явление одного порядка

⁸ Из-за нечеткого изображения распятого Христа авторы трактуют его одеяние как колобий, с чем трудно согласиться.

⁹ С этим поселением исследователи связывают находку клада древнерусских серебряников, 1852 г. (Сотникова, Спасский, 1983. С. 67–80; Морозов, 2011. С. 99–104).

¹⁰ Быв. с. Липлява Полтавской обл., возможно, находка связана с расположенными здесь городищем и могильником с материалами XI–XII вв. (Древнерусские поселения..., 1984. С. 13–15, 134, кат. № 321, рис. 2, 62). Крест хранится в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири (ОАВЕиС) Гос. Эрмитажа, кол. 741, инв. № 741/341 (373).

Таблица 3. Находки нательных крестов, изготовленных в подражание крестам-энколпионам группы IV.6.1
Table 3. Finds of cross-pendants imitating crosses-encolpions of group IV.6.1

№	Происхождение находки	Размеры, см	Датировка по археологическому контексту	Источник сведений
1	Великий Новгород, 2017 (Ман 9А/7)	3,3 (4,0) × 2,3 × 0,35	2-я пол. XII в.	Олейников, 2019. С. 170–171, рис. 5, 2
2	Новогрудок, Беларусь, 1962, постр. 18	3,3 × 2,3	1-я(?) пол. XII в.	Гуревич, 1981. С. 18, 47, рис. 35, 2
3	Новгород-Северский, Украина, 2008	3,3 × 2,5	XI–XII вв.	Кедун, 2010. С. 104, рис. 1; Кедун, Пархоменко, 2017. С. 160
4	Магерки I (в округе г. Нежин), Украина, 2015	3,9 × 2,2	XI в.	Кедун, Пархоменко, 2017. С. 159–160, рис. 2, 4
5	Владимир-Волынский, Украина, у ц. св. Василия, до 1891	3,1 × 2,2	—	Леопардов, Чернев, 1891. С. 6, табл. I-1, IV-1; Ханенко, 1899. Табл. I, 25
6	Лепляво (быв. Липлява) Каневского района Черкасской области, Украина	3,3 × 2,3	—	ГЭ, ОАВЕиС, кол. 741, инв. № 741/341 (373)

с болгарскими двусторонними крестами. Однако в нашем случае речь идет не о прямом копировании, а о создании новой, хотя и упрощенной в техническом отношении модели креста-реликвария, послужившего в свою очередь образцом для отливки нательных двусторонних крестов с изображениями Распятия и Богоматери Оранты, тем не менее так и не получивших на Руси широкого распространения. Об этом как раз и свидетельствует рассматриваемый крест-реликварий, превращенный в нательный крест этого типа (Ман 9А/7) (Олейников, 2019. С. 70–171, рис. 5, 2). Изготовлен он был, скорее всего, в Новгороде — городе, в котором известен подобный пример изготовления двустороннего креста с Распятием, созданного по образцу миниатюрного креста-реликвария, но иного типа. Имеется в виду крест, обнаруженный в 2011 г. в южной части Людина конца в слое первой половины XII в. (Влас-2/5-108), состоящий из двух пластин (створок?), соединенных между собой «приемом проковки практически наглухо», с одинаковыми низкорельефными изображениями Распятия на обеих сторонах (Там же. С. 169–170, рис. 5, 1). В качестве

ближайших аналогий О. М. Олейников обоснованно приводит широко известные кресты с так называемым «грубым» изображением Распятия (один из вариантов) и деформированную створку креста-реликвария из раскопок 2007 г. на Троицком XIII раскопе на усадьбе «Е», датированную первой половиной XI в. (1030–1040-е гг.) (Peskova, 2014 P. 114, fig. 1, 8; Покровская и др., 2017. С. 472, рис. 2, 1).

Картина распространения стандартных энколпионов (IV.6.1) с появлением новых находок принципиально не изменилась — находки компактно концентрируются на юге, преимущественно в среднем течении Днепра и Десны и немного в бассейне среднего течения Днестра и верхнего течения Западного Буга, на северо-западе они тяготеют к таким крупным центрам, как Псков и Изборск, Старая Ладога, Новгород и Рюриково городище, на северо-востоке в основном сосредоточены на крупных неукрепленных поселениях Волго-Клязьминского междуречья с выходом на Шексну и Мологу, при этом в самом Суздале и Ростове такие находки единичны (Корзухина, Пескова, 2003. С. 236–237, карта на с. 237). Заметно увеличилась лишь плотность мест

находок в Новгороде и Суздальском Ополье (Олейников, 2019. Рис. 1; 2, 4, 5; Макаров и др., 2017. С. 292, рис. 1). Отдельные новые места находок в основном вписываются в прежние границы, за исключением, пожалуй, Полоцка и селища Истье в Рязанской области, ранее не отмеченных на этой карте (Археалагічныя знаходкі..., 2010. С. 44, кат. № 63; Полоцк..., 2012. С. 131–132, рис. 19, 3; Остапенко, 2015. С. 289, № 400).

Параллельное бытование на Руси энколпионов, отлитых по двум, по меньшей мере, моделям крестов-реликвариев одного иконографического типа уже на начальном этапе их создания в XI в. и представленных теперь уже значительным количеством археологических находок, свидетельствует о том, что широкое налаживание изготовления стандартных миниатюрных энколпионов произошло не сразу, не вдруг, а в результате взаимодействия в работе двух или более мастерских или нескольких мастеров внутри одной мастерской («Большой Мастерской»?). С течением времени, в пределах второй половины XI — XII в., но в основном в XII в. в стиле, присущем изделиям этой мастерской, было создано

очень много черневых и рельефно-черневых крестов-энколпионов разных размера, формы и композиционно-иконографического решения. Особенно ярко и во всей полноте эти стилевые особенности проявились на энколпионах большего размера с четырех- и пятичастной иконографической композицией, некоторые из них бытовали вплоть до монголо-татарского нашествия. Исходя из этого под «БМ» сегодня следует понимать не столько работу одного коллектива или поколения, сколько мастерскую в крупном городском центре, скорее всего в Киеве, при монастыре, где на протяжении полутора столетий поддерживались определенные традиции, передаваемые из поколения в поколение.

Вместе с тем наряду с крестами, созданными в гипотетической «БМ», другие мастера в XII в. изготавливали «разностилевые», по выражению Г. Ф. Корзухиной, черневые энколпионы. Они дошли до нас в сравнительно небольшом количестве и получили различивую оценку у современных исследователей, вплоть до признания их византийскими. Но эти спорные вопросы требуют отдельного специального рассмотрения.

Археалагічныя знаходкі..., 2010 — Археалагічныя знаходкі з асабістай калекцыі С.Л. Міхайкі. Каталог. Нац. Полацкі гісторыка-культурны музей-заповеднік. Віцебск: Віцебская абласная друкарня, 2010. 174 с., ил.

Археалогія і нумізматыка..., 1993 — Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыклапедыя. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1993. 704 с., ил.

Асташова и др., 2013 — Асташова Н. И., Петрова Л. А., Сарачёва Т. Г. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М.: РИП-холдинг, 2013. 320 с., 483 ил.

Асташова, Сарачева, 2015 — Асташова Н. И., Сарачева Т. Г. Древнерусские миниатюрные энколпионы // НиНЗ ИА. Великий Новгород, 2015. Вып. 29. С. 195–202.

Богомольников, 1974 — Богомольников В. В. Обследование курганов в Жлобинском районе // АО 1973 г. М., 1974. С. 369–370.

Веремейчик, 2010 — Веремейчик Е. М. Предметы христианского культа XI–XIII вв. на сельских поселениях Черниговского Полесья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной (СПб., 10–16 апреля 2006 г.). СПб.: Нестор-История, 2010. С. 344–354.

Гаврилюк, Ягодинская, 2005 — Гаврилюк О. Н., Ягодинская М. А. Древнерусские предметы христианского культа западной Подолии и юго-западной Волыни // АВ. СПб., 2005. Вып. 12. С. 123–141.

Григорьева, 2015 — Григорьева О. В. Кресты-реликварии из княжеской резиденции на Рюриковом городище // АВ. СПб., 2015. Вып. 21. С. 246–260.

Гуревич, 1981 — Гуревич Ф. Д. Древний Новгородок: Посад — окольный город. Л.: Наука, 1981. 160 с., ил.

- Даченков, Петров, 2011 — Даченков И. Б., Петров Ф. Н. История подмосковного Верхневолжья. Тверь: Тверская областная типография, 2011. 208 с., ил.
- Дончева-Петкова, 2011 — Дончева-Петкова Л. Средновековни кръстове-энколпионы от България (IX–XIV в.). София: Академично издателство «Проф. МАРИН ДРИНОВ», 2011. 736 с., ил.
- Древнерусские поселения..., 1984 — Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта). Киев: Наукова думка, 1984. 193 с., ил.
- Дубровин, 2010 — Дубровин Г. Е. Никитинский раскоп в Новгороде. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 335 с., ил.
- Кедун, 2010 — Кедун И. С. Розкопки в м. Новгород-Сіверський у 2008 р. // Археологічні дослідження в Україні 2008. Київ, 2010. С. 104.
- Кедун, Пархоменко, 2017 — Кедун И. С., Пархоменко О. Г. Археологічні дослідження поселення Магерки I в м. Ніжин // АДІУ. Київ, 2017. Вип. 1 (22). С. 159–162.
- Коваленко и др., 2019 — Коваленко Е. С., Мурашев М. М., Подурец К. М., Грешников Э. А., Макаров Н. А., Зайцева И. Е., Беляев Л. А., Олейников О. М. Нейтронная и синхротронная визуализация объектов культурного наследия: средневековые кресты-энколпионы. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.archaeolog.ru/ru/press/articles/neytronnaya-i-sinkhrotronnaya-vizualizatsiya-obektov-kulturnogo-naslediya-srednevekovye-kresty-enkolpionu> (дата обращения: 27.10.2019).
- Кокорина, 2013 — Кокорина Н. А. Нагрудные кресты древнерусского времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог. Владимир: Б. и., 2013. 76 с., ил.
- Колпакова, 2011 — Колпакова Ю. В. Энколпионы из Пскова и Изборска // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура: К юбилею И. К. Лабутиной. Псков, 2011. Вип. 2. С. 141–156.
- Корзухина, Пескова, 2003 — Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские кресты-энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 432 с., ил. (Тр. ИИМК РАН; Т. 7).
- Леопардов, Чернев, 1891 — Леопардов Н. А., Чернев Н. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках (новая серия). Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1891. Вип. I. 30 с., ил.
- Лысенко и др., 2012 — Лысенко С. Д., Шкляревский Е. И., Квитницкий М. В., Черновол Д. К. Многослойное поселение Кошечевка-8: Материалы Фастовской археологической экспедиции. Киев; Фастов: ИА НАНУ, 2012. Вип. 1. 332 с., ил.
- Макаров, 1991 — Макаров Н. А. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. (Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья) // КСИА. М., 1991. Вип. 205. С. 11–20.
- Макаров, Зайцева, 2017 — Макаров Н. А., Зайцева И. Е. Кресты-энколпионы с чернью из Суздальского Ополя // Тр. V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. 2. С. 193–197.
- Макаров и др., 2017 — Макаров Н. А., Зайцева И. Е., Грешников Э. А. Черневые кресты-энколпионы в Суздальском Ополе // АВ. Вип. 23. СПб., 2017. С. 291–310.
- Макаров, Федорина, 2008 — Макаров Н. А., Федорина А. Н. О находках энколпионов на суздальских селищах // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы науч. семинара. М., 2008. Вип. 2. С. 137–146.
- Морозов, 2011 — Морозов О. С. Ніжин археологічний та літописний (за матеріалами Ніжинського краєзнавчого музею) // Ніжинська старовина. Ніжин, 2008. Вип. 6 (9). С. 5–23.
- Мусин и др., 2002 — Мусин А. Е., Торопова Е. В., Торопов С. Е. Христианские древности Старой Руссы (вопросы топографии и археологического контекста) // НиНЗ ИА. Великий Новгород, 2002. Вип. 16. С. 175–187.
- Олейников, 2016 — Олейников О. М. Исследования в северо-западной части Неревского конца средневекового Новгорода в 2011 г. (раскоп Конюшенный-1) // КСИА. М., 2016. Вип. 243. С. 77–91.
- Олейников, 2019 — Олейников О. М. Новые находки энколпионов XI — первой четверти

- ХІІІ в. в Великом Новгороде // РА. М., 2019. № 1. С. 161–176.
- Остапенко, 2015 — Остапенко А. А. Христианские древности Рязанской земли ХІ–ХІV вв. (мелкая пластика): Дис. ... канд. ист. наук. Т. II: Приложение. М., 2015. 507 с.
- Пескова, 2006 — Пескова А. А. Истоки иконографии древнерусских энколпионов // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. СПб., 2006. С. 121–162.
- Пескова, 2009 — Пескова А. А. Византийско-скандинавские компоненты в христианской металлопластике Древней Руси Х–ХІ вв. // На Запад и на Восток: межэтнические контакты в эпоху становления Новгородской Руси: Культура. Память. Идентичность. Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, Великий Новгород, Россия, 21–24 июля 2009) / Eastward and Westward: inter-ethnic contacts at the time of the formation of Rus' of Novgorod. Culture, Memory and Identity (St. Petersburg and Novgorod, Russia, 21–24 July 2009) / Vers l'Orient et vers l'Occident: les contacts interethniques à l'époque de la formation de la Rus' de Novgorod. Culture. Mémoire. Identité. Colloque scientifique international. Saint-Petersbourg et Novgorod, 21–24 juillet 2009 / P. Bauduin, A. Musin (dir.). СПб.: ИИМК РАН, 2009. С. 47–48 (на рус., англ.).
- Пескова, 2017 — Пескова А. А. К вопросу о местных особенностях в изготовлении борисоглебских крестов-реликвариев ХІІІ в. в Галицко-Волынской земле // АДІУ. Київ, 2017. Вип. 1 (22). С. 91–99.
- Покровская и др., 2017 — Покровская Л. В., Степанов А. М., Сингх В. К. Нательные кресты, крестовидные и крестовключенные привески ХІ — начала ХІІ в. (по материалам Троицких ХІІІ и ХІV раскопов) // В камне и в бронзе. Сб. статей в честь Анны Песковой. СПб.: ИИМК РАН, Невская Книжная Типография, 2017. С. 467–474 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLVIII).
- Полоцк..., 2012 — Полоцк / Ред. О. Н. Левко. Минск: Беларуская навука, 2012. 741 с. (Сер. «Древнейшие города Беларуси».)
- Прищепна, 2016 — Прищепна Б. А. Погоринські міста в Х–ХІІІ ст. Рівне: ПП Дятлик М., 2016. 297 с.
- Сотникова, Спасский, 1983 — Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет Х–ХІ вв. Л.: Искусство, 1983. 240 с.
- Торопова и др., 2001 — Торопова Е. В., Антропова Я. В., Журинов И. Г., Торопов С. Е. Археологические исследования на Борисоглебском раскопе в 2000 г. (результаты и перспективы) // НИИЗ ИА. Великий Новгород, 2001. С. 16–19.
- Уткин, 1991 — Уткин А. В. Курганный могильник близ д. Крутихи на р. Уводь // КСИА. М., 1991. Вып. 205. С. 93–100.
- Ханенко Б., Ханенко В., 1899 — Ханенко Б. И., Ханенко В. Н. Древности русские: кресты и образки. Киев: Фототипия и тип. С. В. Кульженко, 1899. Вып. 1. 34 с., ил.
- Ханенко Б., Ханенко В., 1900 — Ханенко Б. И., Ханенко В. Н. Древности русские: кресты и образки. Киев: Фототипия и тип. С. В. Кульженко, 1900. Вып. 2. 25 с.
- Янин и др., 2013 — Янин В. Л., Рыбина Е. А., Степанов А. М., Покровская Л. В., Сингх В. К., Тянина Е. А. Работы в Людином конце Новгорода в 2012 году (Троицкий раскоп ХІІІ, участки Г и Г-1) // НИИЗ ИА. Великий Новгород, 2013. Вып. 27. С. 12–19.
- Czerwień..., 2012 — Czerwień — gród między Wschodem a Zachodem. Katalog wystawy / Red. J. Bagińska, M. Piotrowski, M. Wołoszyn. Tomaszów Lubelski, Leipzig, Lublin, Rzeszów: Muzeum Regionalne w Tomaszowie Lubelskim, 2012. 448 s.
- Jonuks, Kurisoo, 2013 — Jonuks T., Kurisoo T. To be or not to be ... a Christian: Some new perspectives on understanding the Christianisation of Estonia // Electronic Journal of Folklore. (FEJF) 2013. 55. [Электронный ресурс]. URL: <http://haldjas.folklore.ee/folklore> (дата обращения: 25.02.2020).
- Mägi, 2002 — Mägi M. At the Crossroads of Space and Time. Graves, Changing Society and Ideology on Saaremaa (Ösel), 9th–13th centuries AD. CCC papers: 6. Gotland University College, Centre for Baltic Studies; Institute of History, Department of Archaeology. Tallinn, 2002. 278 p.
- Peskova, 2014 — Peskova A. A. Byzantine and Scandinavian Elements in Christian Devotional Metalwork Objects of Early Rus' of the 10th–

11th Centuries // Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rus ancienne. Caen: PUC, CRAHAM, 2014. P. 113–131.

Pitarakis, 2006 — *Pitarakis B.* Les croix-reliquaires pectorales Byzantines en bronze / Cahiers Archéologiques. Paris: Picard, 2006. T. XVI. 447 s.

The earliest Old-Russian pectoral reliquary crosses in the light of new investigations

A. A. Peskova

In connection with new finds published in recent years and new special studies devoted to the group of niello crosses-encolpions which represent a key group in the solution of problems tied with the origin and development of Old-Russian encolpions in general, the necessity has arisen to return once again to a detailed examination of these artefacts. New findings with a well preserved engraving have allowed the researchers to compare them also in terms of their stylistics and hence to distribute them more distinctly and soundly over the three groups distinguished earlier (IV.6.1, IV.6.2, IV.5.5) (*Корзухина, Пескова*, 2003. P. 235–237) (cf. Tables 1 and 2). First a group of two-side crosses was identified manufactured after the pattern of reliquary crosses of group IV.6.1 (cf. Table 3). Encolpions cast after, at least, two models of reliquary crosses of a single iconographic type as early as the initial stage of their design in the 11th century were used in Rus' simultaneously. Now they are represented by an already considerable number of archaeological finds. Iconographic, stylistic and morphological analysis has demonstrated that the wide development of the manufacture of these standardized miniature crosses (group IV.6.1) occurred not at once, not suddenly, but as a *result of an interaction between two or more workshops* (group IV.5.5 and single examples marked by features of individual creativity) or between several artists within a single workshop (the 'Great Workshop' in Kiev?).